

— Запереть его в Пещере Покаяния! Спрашиваешь, на сколько? На год, на два? Или пусть сидит до самого Праздника Вершин!

— Пусть сначала Гуань Ся задаст ему хорошую трепку! Не верю я, что этот негодник не станет шелковым, когда получит по заднице прутом толщиной в руку!

— Бейте! Бейте как следует! А как закончите — отправьте к Шансяню просить прощения, пусть пишет покаянное письмо на три тысячи иероглифов и стоит на коленях перед Парящим Дворцом, пересказывая его в обратном порядке!

Эти угрозы эхом отдавались в сознании, и Юй Уцюэ, еще не пришедший в себя, в ужасе метался в кошмарах.

Ему снилось, что он стоит в распластанном виде посреди двора, одной рукой пытаюсь нацарапать письмо с раскаянием, а бабушка тем временем охаживает его по ногам прутом толщиной в человеческую руку. Стоило допустить хоть одну ошибку — и в ход шел новый прут.

От ударов его трясло, он путался еще сильнее, пока бабушка не схватила в каждую руку по десятку прутьев, и те, словно ожившие, заплясали над ним, пока он в холодном поту не вскочил от страха.

— Бабушка, я больше не буду!

Юй Уцюэ с криком распахнул глаза и понял, что это был всего лишь сон.

Сознание прояснилось, но окружающая обстановка показалась совершенно чужой.

Полог над кроватью был сделан из роскошного молочно-белого шелка, на резном каркасе из Драконьей Кости висела золотая курильница, распространяя тонкий аромат лечебного снадобья — редчайшей травы Шие. Впрочем, даже дорогое благовоние не могло перебить тяжелый лекарственный дух. Юй Уцюэ принялся: трава Драконьих жил, Кровавая ветвь, Шелковый паразит, Столетняя полынь — все это были бесценные божественные лекарства, которые не купишь ни за какие деньги.

На языке все еще стоял горький привкус отвара. Получается, его не только спасли, но еще и окружили такой заботой?

Сон оказался в руку, подумал Юй Уцюэ с довольной улыбкой. Раз он проявил доблесть, спасая людей, с чего бы ему стоять в углу и получать тумаки? Похоже, это награда за заслуги.

— Очнулся? Что-нибудь еще беспокоит?

Заговорил Чан Юньцин — наставник отделения целителей, Чжэньжэнь Юнлэ, которого в Мире Совершенствования почитали как величайшего мастера медицины. Он исцелял любые болезни и снимал любые яды; пока душа не покинула тело, он всегда мог вырвать человека из лап Янь-вана.

— Лежишь уже вторые сутки, я влил в тебя самые сильные отвары, чего же ты такой

заторможенный?

К Чан Юньцину было нелегко попасть на прием: если дело не касалось смертельной опасности, он редко брался за лечение лично. Юй Уцюэ был поражен:

— Чжэньжэнь, как вы здесь оказались?

— Я здесь уже два дня. Что, недоволен, что я лично взялся за твоё исцеление?

Вид у Юй Уцюэ был действительно жалкий:

— Неужели я был при смерти?

Чан Юньцин лишь окинул его тяжелым взглядом и громко вздохнул.

Юй Уцюэ нахмурился:

— Скажите прямо, сколько мне осталось?

— Один день.

Юй Уцюэ чуть не подпрыгнул:

— Вы же не шутите?!

Чан Юньцин невинно покачал головой:

— Увы.

Юй Уцюэ оцепенел, а затем начал давать распоряжения на случай своей кончины:

— На заднем склоне есть пещера, там спрятано немало сокровищ. Половину можно продать в городе за духовные камни, другая половина — полуфабрикаты, но материалы, снятые с Марионеток, тоже ценятся. Чжэньжэнь, окажите мне услугу, передайте бабушке: если я умру, пусть это послужит моим скромным наследством. Я не успел отплатить ей за то, что она вырастила меня, хоть так смогу вернуть долг.

И это было не всё: вокруг целебного источника под древним деревом, под арочным мостом у келий учеников, на утесе у тренировочной площадки — везде были спрятаны тайники с Марионетками. По словам Юй Уцюэ, те требовали подпитки чистой духовной энергией, чтобы обрести разум. Теперь это превратилось в довольно солидное наследство.

Чан Юньцин старательно записывал, едва сдерживая улыбку:

— Это все? Выкладывай всё до конца, я всё передам... э-э, твоей бабушке.

— Чжэньжэнь Юнлэ, — Юй Уцюэ заметил, как дернулся уголок его рта, и надулся: — Вы уже не ребенок, как вам не стыдно разыгрывать младших!

Чан Юньцин рассмеялся:

— Ты, чертенок, если бы я тебя сегодня не припугнул, ты бы через пару лет весь Дворец Тяньцзи дырами в стенах покрыв.

У Чан Юньцина был самый мягкий нрав, он любил подшучивать над молодежью. Раз он мог позволить себе шутки, значит, угрозы жизни нет.

Юй Уцюэ воспользовался случаем и решил поторговаться:

— Я больше не буду рыть ямы, обещаю! Чжэньжэнь, сохраните это в тайне, я коплю капитал, чтобы обеспечить бабушке старость. Милостивый Чжэньжэнь, раз вы здесь, я ведь завтра уже буду на ногах?

— Лежи смирно, раны у тебя нешуточные.

Чан Юньцин щелкнул его по лбу и по-отечески наставил:

— Лава на горе Чицзинь не чета обычной — она жжет кожу и разъедает кости. Если бы площадь ожога была чуть больше, через час от тебя осталась бы одна пыль. Но раз уж я взялся, я восстановлю твои ноги. Как минимум семь дней нужно прикладывать мази, а вставать — посмотрим по состоянию. К тому же ты истощил духовную силу, да к тому же чужую, так что придется долго восстанавливаться.

Юй Уцюэ всё понял: внешне он обгорел, а внутри — выгорел дотла, неудивительно, что чувствует себя таким слабым.

— Уцюэ, плоды с горы Чицзинь имеют ту же природу, что и лава. Ожоги сами по себе не были столь опасны, но ты съел плод, и твое тело начало гореть изнутри. Не хватай что попало, слышишь?

Чан Юньцин улыбнулся мягко и по-доброму, давая понять, что знает о краже духовного плода, но не злится. Он поправил одеяло Юй Уцюэ.

— Благодарю, Чжэньжэнь, я больше не буду есть всякую гадость.

Юй Уцюэ любил такое отношение. Стоило кому-то проявить к нему хоть каплю доброты, как вся его колючесть исчезала, уступая место послушанию. Он спрятался в одеяло, оставив снаружи только глаза:

— Чжэньжэнь, а где мы сейчас?

— Во Дворце Тяньцзи.